

Появление Бессмертного почтенного Чжэньнаня произвело настоящий фурор — взгляды всех присутствующих мгновенно устремились на него.

— Кажется, Бессмертный почтенный сегодня без своей Расписной алебарды, уравнивающей небеса, — тихо шепнул кто-то в толпе.

— Но разве это не его личное духовное оружие, связанное с самой душой? — изумился другой практик. — Подумать только, оставить столь грозный артефакт и явиться налегке!

— Полно тебе, мы же в ордене Сюаньтянь, — вмешался в разговор третий голос. — Кто посмеет бесчинствовать прямо под носом у Чжэньнаня? Это же верная смерть.

Шёпот без труда долетал до ушей Цзи Гуаньци. Естественно, слышал его и стоящий на возвышении У Синбай. Вот только великому мастеру давно не было дела до праздных толков. Однако, заметив, что Цзи Гуаньци упорно избегает встречного взгляда, У Синбай недовольно поджал губы, а его взор сделался ещё холоднее.

— Ну вот, я же говорил, что он не нравится не только нам двоим, — шепнул Цяо Ю, заметив тень недовольства на лице мастера. — Посмотри на наставника. Тот явно тоже не жалуется Цзи Гуаньци.

Остальные могли лишь гадать, но Цяо Ю, будучи единственным сыном главы ордена, знал всю подноготную. В своё время Бессмертный почтенный Чжэньнань принял Цзи Гуаньци в ученики исключительно по личной просьбе его отца. И теперь, когда этот выскочка занял место старшего ученика, потеснив самого Цяо Ю, тот никак не мог смириться со своей обидой.

Однако Сяо Танцин, его верный союзник, на сей раз промолчал. Он стоял рядом, но все его мысли занимал Цзи Гуаньци, с которого он не сводил глаз.

— Да на что ты там вылупился? — недовольно нахмурился Цяо Ю.

— Тебе не кажется, что старший брат сильно изменился? — ровным голосом отозвался Сяо Танцин. — Раньше он ловил каждое движение наставника, а теперь...

Теперь же Цзи Гуаньци даже не смотрел в ту сторону. Почтения в нём было предостаточно, но былая теплота испарилась, уступив место ледяной отстранённости.

— Набивает себе цену, только и всего, — отмахнулся Цяо Ю. Сейчас его куда больше волновал Си Яо. Понизив голос, он добавил: — Интересно, к кому в ученики попадёт Си Яо? Вот бы наставник взял его к себе! Тогда мы смогли бы жить в одной обители.

Увы, Бессмертный почтенный Чжэньнань когда-то объявил, что возьмёт лишь троих учеников, и это ограничение изрядно огорчало Цяо Ю.

Визит У Синбая ознаменовал официальное начало торжества. Главной частью церемонии было испытание духовных корней, после которого старейшины отбирали себе учеников. Счастливики получали шанс войти во внешний круг, а те, кому не повезло, навсегда прощались с надеждой ступить на путь культивации в стенах ордена Сюаньтянь.

Особо одарённых юношей старейшины могли забрать сразу во внутренний круг или даже сделать своими личными закрытыми учениками.

— Испытание духовных корней объявляется открытым! Пожалуйста, подходите по одному, — привычно объявил ученик, заведовавший проверкой, и указал на мерцающие сферы. — Чем ярче вспыхнет сфера от вашего прикосновения, тем выше ваш врождённый дар и тем легче будет ваш путь к бессмертию. Прошу вас, господа.

Молодые практики переглянулись. Те, кто сумел добраться до главной площади ордена, в мире смертных считались признанными гениями, и у каждого за душой таилась немалая гордость.

— Помню, когда мы проходили испытание, твоя сфера сияла так, что слепило глаза, — впроброс заметил Цяо Ю.

Эти слова предназначались Сяо Танцину, которого У Синбай некогда заприметил именно на такой церемонии. Его дар действительно поражал воображение. Впрочем, и сам Цяо Ю с малых лет прослыл одарённым юношей — оба они по праву считались любимцами судьбы.

Однако Сяо Танцин прекрасно понимал, что приятель затеял этот разговор не ради ответной похвалы. Скорее всего, тот просто искал повод уколоть кое-кого другого.

И действительно, Цяо Ю тут же язвительно добавил:

— А вот у Цзи Гуаньци, помнится, сфера едва тлела. Такой тусклый, серый цвет... С подобным «даром» его сегодня не пустили бы даже на порог внешнего круга. Удивительно, как с такими ничтожными задатками он умудрился дорасти до нынешних высот. Нашему наставнику впору памятник воздвигнуть за умение превращать труху в золото.

Договорить ему не удалось — речь оборвалась на полуслове. Сяо Танцин уже собирался одёрнуть товарища, но вмешательство со стороны избавило его от этой необходимости.

— М-м-м! У-у-у! — Цяо Ю в ярости уставился на Цзи Гуаньци, отчаянно тыча пальцем в собственные губы, которые намертво слиплись.

— Онемел? — Цзи Гуаньци картинно развёл руками. — Тут уж на меня не свалишь. Наложить такое заклятие безмолвия в этом месте под силу только главе ордена или...

Он внезапно осёкся, решив не произносить имя второго человека.

— Спроси у своего батюшки, — приснул Цзи Гуаньци, с явным удовольствием откидываясь на спинку кресла. — Я же предупреждал: юношеский пыл надо усмирять и поменьше болтать языком. Вот видишь — даже у отца твоего терпение лопнуло.

Разъярённый Цяо Ю потянулся к своему Луку, Преследующему Луну. Цзи Гуаньци тут же подобрался, во взоре его промелькнула холодная решимость — если этот избалованный мальчишка посмеет обнажить оружие, он ответит без колебаний.

Сяо Танцин, почуяв неладное, вовремя перехватил руку приятеля и крепко сжал его плечо:

— Уймись. Мы на торжественной церемонии, не позорься.

Цяо Ю до побелевших костяшек сжимал лук, шумно дыша от обиды. Избалованный барчук, не привыкший к отказам, буквально задыхался от злости из-за столь внезапного щелчка по носу. Цзи Гуаньци же бросил короткий взгляд в сторону почётных мест. Глава ордена как раз наблюдал за ними. Цзи Гуаньци почтительно склонил голову в знак приветствия.

Во всём ордене Сюаньтянь глава, пожалуй, оставался единственным, к кому Цзи Гуаньци испытывал искреннее уважение. Увы, он также знал, что дни этого благородного мужа сочтены. В прошлой жизни глава ордена скончался внезапно и при загадочных обстоятельствах — даже Цзи Гуаньци так и не сумел выяснить истинную причину его кончины.

После смерти главы бразды правления прибрал к рукам У Синбай — сильнейший практик ордена. При прежнем владыке адепты могли дышать свободно, но стоило У Синбаю занять престол, как над Сюаньтянь нависла удушливая атмосфера страха. С тех пор никто больше не смел переговариваться вполголоса или улыбаться без его дозволения.

Прежний глава ордена всегда относился к Цзи Гуаньци с отеческой теплотой. Вот и сейчас он одобрительно кивнул юноше.

У Синбай молча наблюдал за этим безмолвным обменом любезностями. Во взоре его не осталось и следа прежней мягкости.

— Цзян Минси — средний уровень!

— Чжэн Яояо — высший уровень!

— Мяо Цяо — высший уровень!

— Му Е — низший уровень!

Пока продолжалось испытание, Цзи Гуаньци краем глаза следил за очередью. Скоро должен

был выйти Си Яо. О его невероятном таланте Цзи Гуаньци в своё время наслушался сполна от других учеников, но и подумать не мог, что в этой жизни увидит всё своими глазами.

Юноша взглянул на собственную ладонь. Духовная энергия послушно заструилась между пальцев, сгущаясь в тусклый огонёк, но он лишь слегка сжал кулак, заставляя силу бесследно рассеяться.

«Си Яо! Настал черёд Си Яо!» — засуетился Цяо Ю, нетерпеливо толкая локтем Сяо Танцина. Увы, издать хоть какой-то звук он по-прежнему не мог.

Сяо Танцин терпеть не мог чужих прикосновений — даже если это был Цяо Ю, — поэтому лишь молча отстранился на полшага.

Стоило Си Яо сделать шаг к помосту, как взгляды присутствующих прикипели к нему. Этот юноша обладал редким, благородным обаянием, мгновенно выделявшим его из любой толпы. К тому же слухи о его недюжинных способностях уже успели облететь жилые кварталы адептов, а постоянное присутствие рядом Сяо Танцина и Цяо Ю лишь подогревало всеобщий интерес.

По толпе пронёсся заинтригованный шёпот.

— Си Яо, — негромко представился юноша.

Он уверенно шагнул вперёд и возложил ладонь на прозрачную сферу. Стоило ему направить внутрь потоки духовной энергии, как хрустальный шар, помедлив мгновение, вспыхнул ослепительным, режущим глаза светом. Площадь ахнула. Но на этом чудо не закончилось: сфера пошла глубокими трещинами и с оглушительным звоном разлетелась на тысячи осколков. Впрочем, для опытных практиков этот взрыв не представлял никакой опасности.

Один из острых осколков устремился прямо в лицо Цзи Гуаньци, но не успел тот даже выставить духовный щит, как стеклянная крошка обрнулась в пыль и растаяла в воздухе.

Стоявший на возвышении У Синбай едва заметным движением пальцев развеял летящие обломки.

— Благодарю за заботу, наставник, — почтительно произнес Цзи Гуаньци.

В ответ на вежливую благодарность У Синбай даже не улыбнулся. Он лишь пристально вгляделся в лицо ученика и неохотно кивнул.

— Невероятно! — выдохнул кто-то в толпе, первым придя в себя. — Сфера не выдержала напора его силы! Да это же в точности как на первом испытании Бессмертного почтенного Чжэньнана!

— За последние десять тысяч лет только Бессмертный почтенный являл миру подобное величие при проверке!

— Невиданный гений... Настоящий самородок!

Стоило упомянуть имя великого мастера, как все взгляды тут же скрестились на У Синбае. Его редкое появление на публике и без того будоражило умы, а теперь на глазах у всех рождался новый титан, равный ему по силе в юности.

Цзи Гуаньци безучастно разглядывал носки своих сапог. Смотреть там было решительно не на что — дальнейший сценарий он знал наизусть.

В его прошлой жизни Бессмертный почтенный Чжэньнань прямо с помоста объявил о решении нарушить собственное слово и принять Си Яо своим четвёртым закрытым учеником. Тогда это известие вызвало бурю толков: одни завидовали небывалой удаче юноши, другие поражались тому, что непоколебимый владыка столь легко поступился давней клятвой.

Впрочем, на сей раз Бессмертный почтенный явился лично, что делало триумф Си Яо ещё более оглушительным.

Цзи Гуаньци терпеливо ждал заветных слов: «Отныне Си Яо становится моим четвёртым преемником». Однако время шло, над площадью уже пополз недоуменный шёпот, а У Синбай всё медлил.

Когда Цзи Гуаньци наконец поднял глаза, то обнаружил, что наставник, не мигая, смотрит прямо на него.

— Наставник. Могу ли я чем-то помочь? — поднялся со своего места и вежливо склонился Цзи Гуаньци, понимая, что дальше делать вид, будто ничего не происходит, глупо.

Из-за невероятной силы Си Яо ни один из старейшин ордена не осмеливался заявить на него права. Всем было ясно: такой алмаз достанется либо самому главе ордена, либо Бессмертному почтенному. Влезать в этот спор и переходить дорогу великим было равносильно самоубийству.

— Чего ты ждёшь? — негромко спросил У Синбай.

Цзи Гуаньци растерялся, не понимая, к чему клонит наставник.

— Простите, учитель, я не совсем понимаю ваш вопрос.

— Пустое. Сядь, — У Синбай сделал легкий жест рукавом, и невидимая теплая волна мягко опустила Цзи Гуаньци обратно на сиденье.

Затем владыка перевёл взгляд на главу ордена. Тот без слов понял намёк и величественно поднялся со своего трона:

— Какое редкое дарование! Поистине, небеса благоволят нашему ордену. Что ж, отныне Си Яо объявляется...

— Глава ордена! — неожиданно прервал его Цзи Гуаньци.

Подобная дерзость во время церемонии была неслыханной, но смолчать он не мог. В прошлой жизни, когда глава ордена внезапно погиб, подозрения Цзи Гуаньци пали на Си Яо. Прямых доказательств у него не было, но на месте гибели владыки он на краткий миг уловил едва заметные остатки духовной энергии новоявленного гения.

А все последующие поступки Си Яо лишь укрепили его в этой страшной догадке.

Цзи Гуаньци мог бы промолчать и остаться в стороне. Но он не умел предавать тех, кто некогда отнёсся к нему с добротой. Глава ордена Сюаньтянь был одним из немногих, кто проявил к нему искреннее сочувствие в суровые годы ученичества. А Цзи Гуаньци всегда свято чтит долг крови и благодарности. За добро он платил добром, за зло — сторицей.

— Прошу простить мою дерзость, глава ордена, — произнёс Цзи Гуаньци под прицелом сотен удивлённых взглядов. — Младший брат Си Яо одарён великой силой. Его талант столь же чист и безграничен, каким в юности был дар нашего наставника.

Глава ордена благосклонно посмотрел на юношу, ободряюще кивнув и позволяя продолжить. Однако Цзи Гуаньци умолк и перевёл выразительный взор на Бессмертного почтенного Чжэньнана. Вслед за ним на великого мастера уставилась и вся площадь.

— Ты хочешь, чтобы я нарушил слово и принял Си Яо в качестве четвёртого преемника? — ледяным тоном спросил У Синбай. В его голосе отчётливо слышалось сдерживаемое раздражение.

Цзи Гуаньци искренне не понимал, почему наставник злится — ведь он лишь подталкивал его к решению, которое тот всё равно принял бы рано или поздно. Поистине, нрав великого мастера был непредсказуем.

— Ученик не смеет навязывать своё мнение наставнику, — смиренно опустил голову юноша. — Но столь редкий дар заслуживает лучшего руководства.

«Только бы уберечь главу ордена от этого змеёныша, — лихорадочно соображал Цзи Гуаньци. — Если Си Яо попадёт к нему в ученики, старик обречён»

— Хорошо. Очень хорошо, — процедил У Синбай.

Он сверлил Цзи Гуаньци взглядом, не обращая внимания на затаивших дыхание зрителей. От мастера исходила такая сокрушительная, удушающая аура, что у Цзи Гуаньци подкосились ноги. Чтобы не упасть, он вынужден был опуститься на одно колено, оперевшись на эфес своего меча.

— Наставник... — невозможная тяжесть, выдавил юноша.

Вид коленопреклонённого ученика заставил У Синбая замереть. На мгновение в его глазах промелькнуло странное видение из прошлого, пальцы в широком рукаве едва заметно дрогнули, и давящая мощь мгновенно рассеялась.

После долгого, тягостного молчания он глухо спросил:

— Ты действительно этого хочешь?

Тон, которым Бессмертный почтенный задал этот вопрос, поверг старейшин в недоумение.

В ордене Сюаньтянь каждый младенец знал, что У Синбай недолюбливает своего старшего ученика. Великий мастер ценил лишь яркие таланты, а посредственный и упрямый Цзи Гуаньци, способный брать лишь изнурительным трудом, по мнению многих, лишь позорил имя своего великого учителя.

И теперь в столь важном вопросе У Синбай почему-то полагался на слово этого самого «нелюбимого» ученика. Казалось, кивни сейчас Цзи Гуаньци — и Си Яо обретёт наставника, покачай головой — и тот получит суровый отказ.

Подобная сцена окончательно запутала даже стоявших рядом Сяо Танцина и Цяо Ю.

— Ученик повинен в дерзости и готов понести любое наказание, — твёрдо произнёс Цзи Гуаньци. Несмотря на положение, он держал спину прямо и смотрел наставнику в глаза. — Но я смиренно прошу вас принять Си Яо своим четвёртым преемником.

По трибунам прокатился удивлённый вздох. Разворачивающееся перед ними представление становилось всё более загадочным.

— Старший брат! — Сяо Танцин, хотя и мечтал видеть Си Яо своим соучеником, понимал всю опасность упрямства перед лицом великого мастера. Он поспешно опустился на колени рядом с Цзи Гуаньци и негромко позвал его: — Что ты творишь?

Цзи Гуаньци тихо вздохнул про себя.

«В прошлой жизни ты сам жаждал забрать его себе, а теперь, когда я просто уступил дорогу,

ты изволишь гневаться»

С таким талантом Си Яо неизбежно должен был оказаться на вершине. Если не под крылом У Синбая, то у главы ордена. Цзи Гуаньци просто хотел спасти доброго старика от гибели, отплатив за ту скромную ласку, которой тот когда-то согрел его израненное сердце.

Тишину нарушил ровный, лишенный эмоций голос У Синбая:

— Да будет так. Отныне Си Яо признаётся моим четвёртым преемником.

Голос наставника звучал спокойно, как обычно, но чуткое ухо Цзи Гуаньци уловило в нём глухой, kloкочущий гнев.

Церемония, едва не обернувшаяся скандалом, благополучно завершилась. Довольнее всех выглядел Цяо Ю. Пускай он по-прежнему не мог проронить ни слова, но мысль о том, что Си Яо теперь официально стал его младшим соучеником, приводила его в восторг.

Стоило заклятию безмолвия спасть, как он впервые за долгое время соизволил милостиво взглянуть на Цзи Гуаньци. Достав из мешочка Цянькунь изящный флакон, Цяо Ю небрежно швырнул его старшему брату:

— Держи. Здесь превосходные пилюли для восстановления меридианов. Считай это скромной наградой за то, что вовремя проявил благоразумие.

Цзи Гуаньци мельком взглянул на флакон и бесстрастно швырнул его обратно хозяину. Не удостоив заносчивого барчука даже кивком, он развернулся и зашагал прочь с площади.

— Вот же неблагодарный упрямец! — сквозь зубы процедил Цяо Ю, глядя ему вслед.

<http://bllate.org/book/20080/1994988>